

УДК 330.1(09)
ББК 65.02(0)53

Д.Я. Майдачевский
*кандидат экономических наук,
доцент, докторант,
Байкальский государственный университет
экономики и права*

«ЖИВАЯ» И «НАСТОЯЩАЯ» ИСТОРИЯ А.А. КАУФМАНА

В статье через призму противопоставления «живой» и «настоящей» истории в творчестве А.А. Кауфмана (1864–1919) рассматривается «дисциплинарное бытие» экономической истории. Созданная экономистом «причинная теория» происхождения общины призвана была служить не только абстрактным объяснением процессов, наблюдаемых на «многоземельных окраинах», но и аналитическим инструментарием идентификации и изучения уже исчезнувшей социальной реальности.

Ключевые слова: А.А. Кауфман, экономическая история, «живая история», «внутренняя» история, событийная история.

D. Ya. Maidachevsky
*PhD in Economics, Associate Professor,
Applicant for Doctorate Degree
Baikal State University of Economics and Law*

LIVING AND REAL HISTORY BY KAUFMAN A.A.

The article considers discipline existence of economic history through the lenses of the living and real history contraposition that found in the A.A. Kaufman's works. Created by the economist the causal theory of village community origin is called upon to serve both as the abstract explanation of the processes that can be seen in the landrich outlaying, and as the analytic toolset of identification and examination of defunct social reality.

Keyword: A. Kaufman, economic history, living history, inner history, event history.

Практически забытый ныне автор обзора двадцатилетнего пореформенного развития русской экономической науки В.А. Гольцев, еще до начала систематических экономико-этнографических работ, предпринятых земской статистикой (или государственной, но по земскому «типу»), прозорливо писал о первых шагах проекта исследования «живой истории общины» как «проливающих яркий свет» на происхождение общинного землевладения и землепользования. Которые, в отличие от посвященных общине исторических исследований, устанавливающих «преемственную зависимость явлений исторической жизни», нацелены на выяснение условий, «при которых росла и падала община» в процессе ее «второобразования» [4, с. 64].

Традиция различать два направления исследования вопроса о происхождении земельной общины — «историческое» и «экономико-этнографическое» — прервется за ненадобностью лишь после унификации социального знания в стране на почве марксистской разновидности историзма, сделавшего неактуальными различия не только в целях и задачах работ, предпринятых историками и экономистами, но и в их исследовательских практиках. Работы экономистов будут отправлены в архив исторической (этнографической) науки. Извлекаться из которого они будут единственно с целью поиска в них исторических (этнографических) фактов, льющих воду на мельницу совсем иных построений, поскольку вопрос о формах общинного землевладения и землепользования и их развития в рамках эволюционистской марксистской парадигмы был решен раз и навсегда¹.

«Живая история общины» как проблемная область историко-экономического знания поначалу развивавшаяся в рамках «этнографии экономики», т.е. области этнографического (исторического) знания, накапливающей собственный экономический материал с опорой на свои экономические принципы,

¹ Примечателен в этой связи факт переиздания в наши дни работ А.А. Кауфмана, обобщавших материал исследований «живой истории общины», в серии «Академия фундаментальных исследований: этнология» и рекомендуемых вниманию историков и этнографов, но не экономистов [12; 13].

обнаружила в земской статистике познавательный инструментарий куда более адекватный стоящей перед ней задаче изучения «органического» происхождения института общины. «Этнографичность» и описательность познавательного аппарата земской статистики удачно сочеталась с аналитическим интересом к возникновению и развитию последнего — стремлением установить факторы их обуславливающие.

«Этнографии экономики» вполне правомерно будет противопоставить, в силу этого, «этнографическую экономику», понимая под экономикой уже не часть окружающей реальности, а науку ее изучающую, и, соответственно, под этнографией — не историческую дисциплину, а качественную методологию с междисциплинарным применением, в нашем случае не просто использованную экономической наукой, но являющуюся неотъемлемой составляющей ее инструментария. Рассматривая общину на различных ступенях ее развития (обнаруживаемых на пространстве страны, преимущественно западно- и восточно-сибирских губерний, где шло становление общинной организации) как результат закрепления повторяющихся способов взаимодействий людей, поземельных отношений между ними, данная методология была направлена на выявление каузальных связей: определение причинностей подобных действий и взаимодействий людей, а также причин их изменений посредством, главным образом, соотнесения с действием объективных факторов.

«Живая история» общины в рамках уже «этнографической экономики» призвана была дать ответы на столь долго волновавшие русскую общественную мысль вопросы: как начинается/началось общинное землевладение, через какие этапы проходит/прошло в своем развитии, в каких формах существует/существовало, но главное — под влиянием каких объективных факторов складывается/складывалось и развивается/развивалось. В нашем случае — за счет обращения к «этнографическому методу» как качественной междисциплинарной методологии, позволяющей «теоретически уразуметь» процесс развития поземельных отношений в интересах экономической науки, включая объяснение истории общинной орга-

низации с помощью выработанных на современном материале «эмпирических теорий».

Среди исследователей «живой истории» особое место принадлежит «выученику земской статистики» Александру Аркадьевичу Кауфману (1864–1919), усилиями которого проект изучения «живой истории общины» достиг завершающей стадии — систематизации научного знания. В задачу настоящей статьи не входит рассмотрение процесса выработки знания, или исследовательских практик «этнографической экономики». Предмета, конечно же, более чем актуального, поскольку способы исследовательского взаимодействия с людьми или прямого наблюдения для них характерные перестали восприниматься в качестве методов, являющихся неотъемлемой принадлежностью инструментария экономистов. Заслуживающего в силу этого отдельного обсуждения, и нисколько, при этом, не умаляющего значения темы поиска А.А. Кауфманом связующего начала между историей «живой» как результатом упомянутых практик «этнографической экономики» и историей «настоящей» (чему, главным образом, посвящена его публикуемая ниже работа, предваряемая нашей статьей).

Первые итоги своим аналитико-индуктивным, или экономико-этнографическим, исследованиям форм крестьянского землепользования на западносибирских материалах А.А. Кауфман подвел в статье «Застывшая история общины», опубликованной в июньской книжке журнала «Вестник Европы» за 1893 г. Намеченные прежде на страницах малотиражных «материалов», по сути экспедиционных отчетов, основные типы землепользования, соответствующие различным ступеням развития общинных порядков, были впервые представлены им на суд широкого научного сообщества в виде схемы, позволяющей обнаружить движущие силы процесса генезиса общины¹.

Схемы, подчеркнем, не самоценной, не рассматривавшейся автором в качестве своеобразной периодизации истории сибирс-

¹ В составленном самим А.А. Кауфманом и приложенном к его автобиографии «списке печатных трудов» 1893 г. является границей, отделяющей работы, сгруппированные им в рубрику «Крестьянское землепользование и хозяйство в Сибири», от тех, перечень которых озаглавлен «Земельная община. К «схеме 1893 года» или «определениям, данным в 1893 году» он будет регулярно отсылать читателя последующих своих работ.

кой общины. Очерк как раз и примечателен тем (на это указывает, помимо прочего, и его название), что автор недвусмысленно обозначил им причастность своих построений к исследовательской области «живой истории» общины. В небольшом вступлении А.А. Кауфман указал на изучение современной сибирской общины как на непрременную предпосылку познания истории общины «великороссийской». Изучение «слагающейся» общины способно, на его взгляд, дать в руки исследователя генезиса общины уже «сложившейся» не одну только аналитическую схему сменяющих друг друга форм землепользования, пригодную для элементарного упорядочения эмпирического исторического материала. «Живая история» вооружает исследователя представлениями относительно зависимости способа организации поземельных отношений от меняющихся «экономических условий», задаваемых «плотностью населения» и «степенью земельного пространства» [9, с. 3–4].

За построениями А.А. Кауфмана не составляет труда обнаружить модель объяснения исторических изменений классической политэкономии, в центре внимания которой лежит противоречие между населением и ресурсами. Последовательность перехода (его направление и скорость) от заимочного к вольному и далее к уравнильно-душевому землепользованию (совершающегося не одновременно применительно к разным видам земельных ресурсов (угодий): пахотной земле, покосам, пастбищам, лесам) определяется, на взгляд исследователя, действием двух факторов, двумя «двигателями эволюции». Во-первых, редкостью («изобилием или недостатком») тех или иных земельных ресурсов, определяющей их относительную ценность. Во-вторых, затратами труда на приведение земли в годный для обработки (эксплуатации) вид, размеры которых определяют сроки их окупаемости [9, с. 12–14].

Именно с этой своей работой ученый счел необходимым познакомить профессионального историка, с тем, думается, чтобы увидеть реакцию не только на типологию первоначальных форм крестьянского землепользования, но и на попытку его — экономиста вторгнуться с идеей «застывшей истории» на предметное поле, считающееся вотчиной историков. Ответ

В.И. Семевского не заставил себя ждать, но касался лишь первого вопроса и был во многом предопределен его народническими взглядами: «Очень признателен Вам за присылку Вашей интересной и хорошо написанной статьи, которую я прочел с большою пользою и великим удовлетворением. Спорным мне представляется только признание заимочного владения такою формою владения, из которого может развиться не только общинное, но и подворное владение. Я считаю ее первоначальною формою общинного владения на основании права общины вмешиваться в земельные отношения...» (подчеркнуто автором письма. — Д. М.)¹.

Ответ на второй из волновавших его вопросов А.А. Кауфман получит лишь два года спустя. Рукопись очередной и вновь посвященной первоначальным формам общинного землепользования статьи, направленная В.И. Семевскому вызвала встречное предложение историка прочитать ее на одном из ближайших заседаний Исторического общества при Петербургском университете — научной институции, широко открывавшей в те годы двери для исследователей истории религии, искусства, литературы, права и народного хозяйства: «Я с удовольствием прочел Вашу интересную статью о сибирской общине и нахожу, что она совершенно подходит для чтения в историческом обществе»².

На восприятие историческим сообществом доклада «К вопросу о первоначальных формах общинного землевладения», сделанного А.А. Кауфманом 15 февраля 1895 г., свой отпечаток наложило широкое обсуждение концепции «экономического материализма», шедшее в то время. Инициированное председателем Общества историком Н.И. Кареевым [6] и подхваченное экономистом В.Г. Яроцким [14], обсуждение сопровождалось критикой односторонности последней, несущей угрозу обеим наукам и научному пониманию (исторической) действительности. В силу чего сама проблематика доклада А.А. Кауфмана стала рассматриваться в контексте

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5101. Оп. 1. Д. 168. Л. 1.

² ГАРФ. Ф. 5101. Оп. 1. Д. 168. Л. 3.

дискуссии между противниками и сторонниками экономического материализма, а его автор был безоговорочно отнесен к числу приверженцев этой «теории истории»¹.

Одновременно, построениям А.А. Кауфмана было отказано в принадлежности к «экономическому направлению в историографии», находящему воплощение в работах исторического содержания, проявляющих особый интерес к экономической стороне жизни, и противопоставляемому экономическому материализму как «историко-философскому учению». Экономическая история определялась через «экономику» как предмет изучения, а потому представляла дисциплиной описывающей хозяйственные процессы и явления в их хронологической последовательности, ограничивающейся, хотя и методически упорядоченной, но простой «каталогизацией» фактов этой «экономики» касающихся. Принципиальное нежелание А.А. Кауфмана «вставить» собранный материал в «историческую рамку», снабдить его «историческими справками» об основных вехах процесса эволюции крестьянского землевладения и землепользования, прибегнув к распространенному методу «аналогий», автоматически выводило его построения за рамки подобным образом понимаемой дисциплины².

Отделив от экономического материализма «экономическое направление в исторической науке» (историю экономики) и «историческое направление в науке экономической» (историческую экономику), его критики оставили под «огнем» последней «экономическую историю». Или ту часть экономической науки, чей аналитический инструментарий, выработанный в ходе изучения современной сибирской общины, позволял эффективнее использовать ограниченный объем сведений о ней, почерпнутых из исторических источников, а также предложить их интерпретацию. Монистическая экономическая интерпретация истории, или обращение с помощью выработанных понятий, упорядочивающих исторический материал и облегчающих его

¹ Историческое обозрение. Сб. Исторического общества при Императорском Петроградском ун-те / под ред. Н.И. Кареева. Пг., 1915. Т. 20. С. 191.

² Историческое обозрение. Сб. Исторического общества при Императорском Санкт-Петербургском ун-те / под ред. Н.И. Кареева. СПб., 1909. Т. 15. С. 10.

понимание, а также установленных взаимосвязей между элементами экономической реальности, от настоящего к прошлому, объявлялась квинтэссенцией «исторического экономизма», оборачивающегося «нелепыми экономическими истолкованиями исторических фактов»: «Ничто так не вредит научности исторических исследований и построений, как предвзятые мысли, мешающие ясно видеть то, что есть в истории, и заставляющие находить в ней то, чего в ней на самом деле нет» [5, с. 279].

Непосредственным и очевидным результатом неприятия историками построений экономиста стала публикация текста доклада А.А. Кауфмана в форме статьи в повременном издании Юридического общества при университете Московском [10], а не на страницах «Исторического обозрения» — сборника, издававшегося Историческим обществом при Санкт-Петербургском университете. В статье, адресованной иной профессиональной группе, идея использования аналитических обобщений, ставших результатом качественного исследования «преемственной смены форм землепользования» в Сибири, для объяснения процесса их исторического развития, неизбежно уйдет на второй план. Другим и куда менее очевидным результатом критики со стороны историков станет поиск им связующего начала между историей «живой» и историей «настоящей». Не теряя надежды заручиться признанием последними своих построений, А.А. Кауфман предпочтет вести его на «территории» своих оппонентов и сосредоточит обсуждение вокруг «общего» историко-методологического вопроса о разных категориях и методах использования источников для решения «частного» вопроса о происхождении общины.

Продолжавшаяся разработка ученым проблематики этнографической экономики — развитие авторской типологии форм землепользования и уточнение модели процесса генезиса общины, а также интенсивные занятия «переселенческим вопросом» — новой темой в творчестве, подсказанной служебной деятельностью¹, серьезно задержат процесс последнего. Одна-

¹ С 1893 г. А.А. Кауфман как чиновник Министерства земледелия и государственных имуществ занимался проблемами поземельного устройства переселенцев, вплоть до 1903 г. совершая регулярные поездки в различные районы Азиатской России с целью осмотра переселенческих участков и ревизии работ по отводу земель [7, с. 263–264].

ко не заставят отказаться от замысла, о чем красноречиво свидетельствует книга «Крестьянская община в Сибири» (1897), подводившая под общий «знаменатель» авторской типологии результаты изучений форм крестьянского землевладения и землепользования, осуществленных в ходе хозяйственно-статистических обследований в 1886–1892 гг. уже четырех сибирских губерний. Небольшое предисловие к ней стало по существу ответом историкам и непосредственно В.И. Семевскому, на рекомендации прибегнуть к сравнительному методу как способу включения фактов «живой истории» в научный исторический дискурс, их использования в качестве строительного материала исторических реконструкций экономики. Продемонстрировав прекрасное знание «литературы вопроса» и не отрицая возможности осуществления простых «сопоставлений с фактами, наблюдаемыми и описанными вне пределов Сибири», исследователь подчеркнул свое стремление избегать их «даже тогда, когда эти сопоставления напрашивались, так сказать, сами собой». Куда более важными представлялись не «факты» или «данные» сами по себе, а выводы и обобщения этнографической экономики, «возможные на основании совокупности именно *этих данных*» (курсив А.А. Кауфмана. — *Д. М.*) [12, с. IV], т.е. аналитические обобщения, создаваемые в результате качественного экономического исследования. Последние, по мнению ученого, призваны способствовать «уяснению» темных и неясных сторон истории развития форм землепользования в Европейской России и даже на Западе.

Путь от простого противопоставления «живых материалов» этнографической экономики «мертвым историческим документам» в докладе-статье 1895 г. до попытки представить причину разногласий исследователей в этом вопросе и отсутствия прогресса в деле его разрешения как обусловленную характером используемых источников исторической информации занял почти восемь лет. Именно столько отделяло второй сделанный им 3 декабря 1903 г. в Историческом обществе при Санкт-Петербургском университете доклад «Документы и живая история русской общины». Доклад, потребовавший уже не только знакомства с «литературой вопроса», но и далеко не поверхност-

ного погружения в проблематику исторической методологии с целью определения способов отбора и систематизации знания, полученного этнографической экономикой.

Постановка вопроса о «живой истории» в контексте источниковедческих проблем исторической науки соответствовала в целом традициям начальной стадии формирования проблемной области — достаточно вспомнить Ю.Ф. Самарина, призывавшего в споре о происхождении общины выйти за узкие рамки «документальных следов исторических фактов». Была она и более чем очевидным шагом А.А. Кауфмана навстречу историкам с их традицией помещать между собой и прошлым источники. На рубеже XIX–XX вв. идея расширения диапазона последних уже не пугала наименее консервативную их часть, хотя данные «живой истории» современной крестьянской общины и могли претендовать на причисление лишь к числу «вспомогательных» источников, заполняющих пробелы «основных» — документальных.

Обращение А.А. Кауфмана к источниковедению как «учебно-технической стороне» исторической науки [8] на первый взгляд сводило проблему наведения мостов между «живой» и «настоящей» историей к расширению круга источников, используемых последней. Привлечение описательных («повествовательных») материалов «этнографии экономики», доставляемых исследователями современных хозяйственных порядков на пространствах, где сохранились «архаические» способы организации поземельных отношений, расширяло возможности использования исторической наукой аналогий для заполнения лагун в имеющихся документальных источниках или сравнений с целью разяснения неполных или неясных черт изучаемых явлений. При этом, однако, обесценивая конечные результаты трудоемких и оригинальных по замыслу работ в области этнографической экономики, нацеленных на построение типологии общинно-земельных форм и установление реально действующих причин, определяющих их сложение и эволюцию.

Поэтому обращение исследователя к источниковедческой проблематике следует расценивать как свидетельство ясного осознания им того, что именно на уровне источников кроется

суть и устанавливаются границы исторического познания. Не случайно отказав документальным свидетельствам, «которыми более или менее исключительно оперируют историки», в способности отразить «действительный» вид и эволюцию форм землепользования минувших эпох, он «затруднился» и с «категорическим ответом» на вопрос о возможности восполнить этот их недостаток с помощью «положительных фактов» живой истории. Тем самым, не усмотрев не только в увеличении объема и спектра привлекаемых источников, но и в используемых приемах работы с ними (аналогии, сравнения), способов преодоления этих границ, возможностей, по образному выражению П. Вена, получения «другой истории, более объясняющей, более обобщающей и более научной, чем прежде» [3, с. 154].

Документальные источники, на которых основывается история русского общинного землевладения, будучи порождены в массе своей нарушениями нормального хода развития общинной организации, и, как следствие, вмешательством власти, не могли в принципе, по мнению исследователя, отразить процессы, протекающие внутри общины. «Письменный документ лишь потому и существует, что, в данном случае, имело место либо обращение к правительственной власти, либо непосредственное ее вмешательство в общинные распоряжки; происходили ли в общине, или нет, какие-либо события не вызванные вмешательством администрации или суда и в свою очередь его не вызывавшие, — во всяком случае такие события, в виде правила, не могли оставить документальных следов» [8, с. 107].

Путем обращения к документальным источникам, следовательно, не могут быть реконструированы «действительный вид и действительная эволюция» земельно-общинных форм, или «внутренняя история» общины. Удел «настоящей истории», поэтому, воссоздание лишь истории «внешней», или «событийной». Именно с этих позиций подверг А.А. Кауфман разбору и критике работы как историка В.И. Семевского, так и экономиста В.П. Воронцова. Их, хотя и базирующиеся на богатых архивных материалах, построения обнаруживали, на его взгляд, не историю общины, а «историю административных мероприятий, направленных к более или менее насильс-

твенному внедрению в крестьянскую среду общинных форм и распорядков». И, более того, — совершенно необоснованное стремление авторов (шире — исторической науки, «истории экономики») «обобщать не подлежащие никакому сомнению факты административного или вообще внешнего воздействия и придавать им самостоятельно-творческое значение»¹ [8, с. 89–90] в истории.

«Внутренняя», или «не-событийная», история общины, т.е. вся та «совокупность совершающихся внутри общины явлений и процессов, в которой ... заключается сущность эволюции форм крестьянского землепользования» [8, с. 109], остается за пределами документальных источников, а потому и недоступной для исторического познания. Если не распахнуть, то хотя бы приотворить наглухо закрытую, в этом смысле, дверь истории, призвана, по мнению исследователя, «живая история» русской общины. Последней А.А. Кауфман в своем докладе-статье дал, однако, крайне неудачное определение, ограничивающее ее значение едва ли не одной лишь проверкой степени достоверности документальных свидетельств о фактах. Впрочем, уже в следующей своей посвященной «живой истории» общины работе его серьезно скорректировав: неопределенное «изучение современных или весьма недавних явлений эволюции форм землевладения» сменит исследование типов, движущих сил и направления эволюции землевладения и землепользования, «как эти типы могут быть наблюдаемы в настоящее время, как эта эволюция происходит на наших глазах» [11, с. 5].

Создаваемая этнографической экономикой «причинная теория» происхождения общины служит не только абстрактным объяснением процессов, воочию наблюдаемых на «многоземельных окраинах», но и аналитическим инструментарием идентификации и изучения уже исчезнувшей социальной реальности. Современность, говоря иначе, дает перспективу це-

¹ Обратим внимание на проявленное А.А. Кауфманом недоверие к документальным источникам даже в том случае, если те фиксировали «свидетельства исторической традиции», ссылались на господствовавшие в той или иной местности «обычай» в поземельных отношениях. Последние (обычай), полагал исследователь, вполне могли быть «сочинены ad hoc» не только чиновниками, но самими крестьянами, а не являться «отражением действительных жизненных фактов» [8, с. 95].

лого, из которой и следует исходить историку, вооружает его инструментами интерпретации исторической информации — аналитической схемой и теорией, проясняющей взаимосвязь между складывающимся порядком поземельных отношений и действием объективных сил окружающей среды — выработанными в результате изучения процесса «второобразования» общины. Или, как справедливо заметил В.П. Воронцов, позволяет «разрешать социологические вопросы о зависимости одних отношений от других, о причинах той или другой хозяйственной эволюции» [2, с. 141].

Историк, реконструирующий картину возникновения и развития общинной организации исключительно по дошедшим до него документальным материалам, не будучи вооружен подобными инструментами, по мнению А.А. Кауфмана, по определению лишен возможности не только истолковать скудные сведения из них извлекаемые, но даже правильно поставить проблемы своего исследования. И в этом смысле он не делает различий между сторонниками «государственно-податной» и «естественной» теорий зарождения и развития общины: и те и другие слепо следуют за источниками, чаще просто пересказывают их, но бессильны вырваться из их власти и задать им вопросы, позволяющие добраться до «первопричины» изучаемых процессов. К числу каковых относил те, что позволяли установить появление на той или иной территории «почвы» для развития и упрочения общинно-земельных форм, и, в частности, достижение ею «той степени населенности и земельного утеснения, в которой возникшее земельное неравенство может быть устранено лишь посредством передела» [8, с. 101].

Даже историки, не чуравшиеся использования экономической теории (правда, скорее, для целей организации исторического материала, нежели его интерпретации), вопреки ожиданиям демонстрировали непонимание того, что выделяемые А.А. Кауфманом типы организации поземельных отношений являются не историческими обобщениями как конечными результатами познания, а его орудиями, использование которых только должно к таковым привести. Будучи созданы на основе эмпирического анализа действительности, они предназначены не столько

для описания прошлой социальной реальности, сколько для выявления скрытого за событийным рядом, только и находящим отражение в документах. Помогая историку глубже проникнуть в его (событийного ряда) логику, увидеть за ним «не-событийное», аналитическая схема предназначена для истолкования исторического процесса.

Совершенно иное содержание, поэтому, рассчитывал обнаружить читатель его статьи с чисто историческим названием «К вопросу о происхождении русской земельной общины», отнюдь не ожидавший встретить на ее страницах заявление автора о том, что того оставляет совершенно безучастным вопрос о существовании переделов пахотных земель в XVI или XVII столетии. И был, конечно же, окончательно обескуражен его «категорически-отрицательным» ответом на вопрос о принципиальной возможности реконструировать «действительный склад и действительный ход эволюции форм землепользования» минувших столетий на основе использования традиционных «источниковедческих» подходов, имеющихся в арсенале исторической науки. В отличие от «настоящей» истории, «живая история» А.А. Кауфмана, теоретически построенная в терминах причин и следствий, рассматривала вопрос о «происхождении» общины не как установление точки ее «начала» на временной координате, а как выявление «причинности», дающей представление о процессе, приводящем к определенному результату — общинной организации.

Для сколько-нибудь заметного прогресса в изучении вопроса о происхождении русской поземельной общины на смену описательной, событийной истории экономики, в центре внимания которой находится исторический источник, должно прийти построение экономической истории, продвигающейся в прошлое с помощью аналитического инструментария, выработанного этнографической экономикой. От нее не следует ждать воссоздания детальной картины крестьянского землеустройства и землепользования прошлого или указания на конкретные причины эволюции форм последних. Благодаря такой аналитической истории, полагал исследователь, «мы приобретаем ключ к уяснению гораздо более широко поставленных

общих вопросов, мы уясняем себе путь к гораздо более широким обобщениям» [11, с. 70].

Попытка сформулировать подобные «заключения от наблюдаемого настоящего к покрытому густою завесой историческому прошлому» [13, с. V], была предпринята А.А. Кауфманом в книге «Русская община в процессе ее зарождения и роста» (1908). Призванная подвести итог занятиям исследователя «живой историей», последняя не ограничилась механическим привлечением результатов новых экспедиционных исследований для целей иллюстрации и подтверждения уже сложившейся концепции генезиса и эволюции общины. Завершающий раздел книги, озаглавленный «Живая история общины и ее значение» (и представлявший собой несколько переработанный текст статьи «Документы и живая история общины»), не только своим содержанием, но и названием и даже местом в структуре книги, указывал на свое предназначение — служить своеобразным мостом к собственно историческим изучениям общинной организации. Служить, предоставив в распоряжение исследователей-историков выработанные этнографической экономикой типологию общинно-земельных форм, пригодную для «расшифровки» языка документов и установления действительного смысла заключенной в них исторической информации, а также представления о движущих силах и направлениях исторической эволюции общинной организации.

А.А. Кауфман рассматривал последовательность и формы, которые приняло развитие способов землепользования в Сибири, «порядком наиболее естественным и необходимым», т.е. в качестве своеобразной «естественной» модели эволюции поземельных отношений. Именно с ее помощью исследователь и предлагал двигаться от наблюдаемого настоящего к историческому прошлому, сосредоточиваясь на сущностных аспектах процесса «создания земельной общины», с тем, чтобы увидеть «лес» за редкими «деревьями» событийной истории, добиться объяснения динамики и движущих сил развития поземельных отношений.

Выработанная этнографической экономикой концепция «самопроизвольного зарождения и развития форм общинного

землевладения и землепользования» и включающая помимо типологии последних еще и «причинную теорию» их эволюции не в состоянии, полагал А.А. Кауфман, оказать помощь в восстановлении исторических фактов, в достижении «положительных заключений». Являясь результатом изучения современного процесса «второобразования» общины, она играет роль скорее в негативном, «чисто-отрицательном» отношении, позволяя «с достаточною... научною объективностью прийти к тому заключению, что эволюция форм крестьянского землевладения и землепользования и в прошлом не могла быть продуктом административного воздействия; что это последнее могло играть и здесь лишь более или менее случайную, более или менее побочную роль; что оно могло, в известных случаях, только ускорять естественную эволюцию, но не в состоянии было навязать крестьянской жизни чуждые и нежелательные ей формы» [13, с. 439]. Концепция выступает руководством, позволяющим историкам избежать плена «отрывочных намеков» источников, их истолкований с позиций «здравого смысла» и тех или иных идеологических установок.

К сожалению, А.А. Кауфман с настойчивостью достойной иного применения использовал для характеристики способа наведения мостов между «живой» и «настоящей» историей близкое и понятное историкам имя «метода переживаний». Притом, что эвристические возможности последнего применительно к данной исследовательской области ставились им под сомнение, демонстрируя вынужденный характер обращения к имени данного исследовательского приема из-за отсутствия определений, способных отразить специфику авторского подхода. «Методологический критицизм» или даже «исторический агностицизм» А.А. Кауфмана, как именовали его современники-историки [1, с. 340], сводился к отрицанию самой возможности с помощью переживаний «реконструировать картину действительной эволюции крестьянского землевладения и землепользования в нашем отдаленном прошлом», не говоря уже об установлении «причин интересующей нас эволюции» [13, с. 440].

Настойчивое использование для обозначения своего подхода имени ему не соответствовавшего «метода переживаний»

немало затруднило и дисциплинарную идентификацию выработывавшегося знания. Появление на свет книги «Русская община в процессе ее зарождения и роста», в основу которой лег курс лекций по истории хозяйственного быта, прочитанный автором в весеннем семестре 1907 г. на юридическом факультете Московского университета, на первый взгляд, может служить прекрасной иллюстрацией классического процесса развития любой исследовательской области, увенчанного систематизацией полученного знания. С тем, однако, уточнением (сделанным ученым в своей автобиографии [7, с. 266]), что читавшийся на протяжении полутора лет курс всего лишь первые полгода имел своим предметом «историю развития общинно-земельных форм».

Уточнением, которое трудно объяснить одним лишь желанием проинформировать будущего читателя автобиографии, а возможно и историка науки о том, что именно этот семестровый его отрезок вылился в форму книги. За ним просматривается намерение указать на то поражение, которое его «живая история», или «экономическая история», как направление дисциплинарной организации историко-экономического знания, использующее понятия и концепции экономической науки для интерпретации исторических фактов, потерпела в конкуренции с «настоящей» историей. Исторической дисциплиной, лекции по которой он и читал на протяжении следующего 1907–1908 академического года, и которая под названием «история экономического быта» утверждалась в этот период в учебных планах подготовки экономистов.

Список использованной литературы

1. Архангельский П. К вопросу о происхождении русской общины П. Архангельский // Сборник статей в честь Д.А. Корсакова. — Казань : Лито-типогр. Н. Н. Харитонова, 1913. — С. 323–351.
2. В. В. [Воронцов В. П.]. Рецензия / В. В. // Народное хозяйство. — 1901. — Кн. 1. — С. 140–142. — Рец. на кн.: Кауфман А. А. Земельные отношения и общинные порядки в Забайкалье по местному исследованию 1897 г. Иркутск : Тип. газ. «Восточное обозрение», 1900.
3. Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии / П. Вен. — М. : Научный мир, 2003. — 394 с.

4. Гольцев В. А. Движение русской экономической науки / В. А. Гольцев // Русская мысль. — 1885. — Кн. 3. — С. 60–77.

5. Кареев Н. И. Что такое экономический материализм? / Н. И. Кареев // Кареев Н.И. Старые и новые этюды об экономическом материализме. Материалы для истории и критики экономического материализма. — СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1896. — С. 274–287.

6. Кареев Н. И. Экономический материализм в истории / Н. И. Кареев // Вестник Европы. — 1894. — Т. 4, кн. 7. — С. 5–35; Т. 4, кн. 8. — С. 583–606; Т. 5, кн. 9. — С. 249–277.

7. Кауфман А. А. Автобиография / А. А. Кауфман // Вестник статистики. — 1921. — № 5–8. — С. 260–274.

8. Кауфман А. А. Документы и живая история русской общины (Историко-критический очерк) / А. А. Кауфман // Журнал Министерства народного просвещения. — 1904. — Кн. 9. — С. 67–109.

9. Кауфман А. А. Застывшая история общины. Очерк развития земельных порядков сибирской общины по данным новейших исследований / А. А. Кауфман // Кауфман А. А. Сборник статей. Община. Переселение. Статистика. — М. : Изд-е Г. А. Лемана и Б. Д. Плетнева, 1915. — С. 3–25.

10. Кауфман А. А. К вопросу о первоначальных формах общинного землевладения. (По данным новейших сибирских исследований) / А. А. Кауфман // Сборник правоведения и общественных знаний: Труды Юридического общества, состоящего при Императорском Московском университете, и его статистического отделения. — СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1896. — Т. 6. — С. 160–189.

11. Кауфман А. А. К вопросу о происхождении русской земельной общины / А. А. Кауфман. — М. : Типо.-литограф. т-ва И.Н. Кушнерев и Комп., 1907. — 71 с.

12. Кауфман А. А. Крестьянская община в Сибири. По местным исследованиям 1886–1892 гг. / А. А. Кауфман; изд. 2-е. — М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2011. — 288 с.

13. Кауфман А. А. Русская община в процессе ее зарождения и роста / А. А. Кауфман; изд. 2-е. — М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2011. — 472 с.

14. Яроцкий В. Г. Односторонняя теория экономического развития / В. Г. Яроцкий // Новое слово. — 1896. — № 4. — С. 49–84.

Информация об авторе

Майдачевский Дмитрий Ярославович — кандидат экономических наук, доцент, докторант, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: maid1960@mail.ru.

Author

Maidachevsky Dmitry Yaroslavovich — PhD in Economics, Associate Professor, Applicant for Doctorate Degree, Baikal State University of Economics and Law, 11, Lenin Street, Irkutsk, 664003, e-mail: maid1960@mail.ru.